

дитный риск стоит меньше. Более того, сейчас этот сегмент попал и в фокус программ по развитию малого предпринимательства в регионах, где власть также заинтересована его развитием.

Малый бизнес нуждается в «одном окне», в возможности решать свои проблемы на «аутсорсе», мы идем по пути создания маркетплейса (магазин банковских и небанковских сервисов для бизнеса. — **BG**). Это не уникальная история, туда многие банки идут. Но не всегда ведь надо быть первым — первый часто несет большие издержки. Я бы сказал, что где-то надо уметь быть и эффективным вторым.

Еще одно направление — корпоративный бизнес. Да, в нем большие чеки — а это и большие разовые потенциальные риски. Там высокая конкуренция. При этом банки-гиганты на рынке часто демпингуют. Удерживать клиента, когда пришел более сильный конкурент, непросто. Со средним клиентом обычно проще — он покупает много разных продуктов и менее склонен менять опорный банк.

BG: Готов ли банк участвовать в крупных инфраструктурных проектах?

К. Б.: Я бы сказал, что мы рассматриваем такую возможность. Капитал банка позволяет уже входить в значимые истории — после присоединения БФА он составил более 40 млрд рублей. Другое дело, что как ответственный банк мы всегда внимательно относимся к возвратности инвестиций, которые мы делаем. Мы готовы, и есть несколько историй в рассмотрении, но я не люблю комментировать «воздушные замки».

BG: Могли бы подвести итог слияния «Уралсиба» и банка БФА?

К. Б.: В начале мая 2017 года мы успешно завершили процесс присоединения к «Уралсибу» банка БФА. Смысл проведенной реорганизации — собрать воедино преимущества трех разных банков и создать на этой основе новый, еще более успешный и эффективный финансовый институт. Мы слились хорошо. Само слияние не было сложным. Во-первых, это близкие банки как по идеологии, так и по интересам (в числе акционеров БФА сын Владимира Когана Ефим Коган. — **BG**). Во-вторых, у БФА мало точек продаж, что всегда проще для реорганизации.

BG: Крупные банки заявляют о планах по закрытию своих офисов. Для менее крупных банков этот вопрос актуален?

К. Б.: Эффективность сети — это один из первых вопросов, который стал на повестку дня с момента начала санации. Еще в прошлом году мы провели ранжирование точек и закрыли около 50 из 330. Это точки, которые были операционно убыточны и по которым мы не видели возможности выхода в позитивную зону в обозримом горизонте. На мой взгляд, оптимизация сети возможна только тогда, когда в регионе наши клиенты переходят на наши же дистанционные каналы. Иначе велик риск потерять клиентов. Да, за последний год количество банковских точек продаж в мире в целом существенно уменьшилось. Однако в России есть не только Москва и Санкт-Петербург, но и другие города, где население привыкло пользоваться услугами через традиционные каналы. Поэтому параллельно процессу сокращения убыточных точек у нас происходила достаточно масштабная релокация офисов, которая позволила открыть офисы совсем другого формата, нового уровня обслуживания и избежать потери клиентов из-за сокращения сети. ■

ВЕНЧУРНЫЕ ФОНДЫ ЯВЛЯЮТСЯ СВОЕОБРАЗНЫМ ФЛЮГЕРОМ ЭКОНОМИКИ, ПОКАЗЫВАЯ, КУДА «ДУЕТ ВЕТЕР», КАКИЕ ТЕХНОЛОГИИ СТАНУТ НОВЫМИ ТРЕНДАМИ В БЛИЖАЙШЕМ БУДУЩЕМ

На Петербургском экономическом форуме генеральный директор, председатель правления АО «РВК» Александр Повалко констатировал, что несмотря на то, что инфраструктура существует и формально создаются всевозможные институты и инструменты — от акселераторов до разнообразных фондов, рынок венчурных инвестиций довольно неустойчивый. В отрасли по-прежнему актуальны проблема коммерциализации и вопрос неразвитости инфраструктуры венчурного инвестирования.

О необходимости развития отрасли венчурного инвестирования на ПМЭФ говорил и Владимир Путин, обращаясь к «Ростеху», «Роскосмосу» и другим корпорациям с требованием помочь стартапам, создав для этого венчурные фонды и специальные подразделения для сотрудничества. «Нужно создать у себя подразделения, которые будут предметно работать со стартапами и малыми инновационными компаниями. А также венчурные фонды, чтобы финансировать такие проекты», — заявил он.

ДВИЖЕНИЕ ВПЕРЕД Согласно исследованию, подготовленному Российской ассоциацией венчурного инвестирования (РАВИ), на венчурном рынке инвестиционная активность в 2016 году была достаточно высока — 210 инвестиций, что незначительно (на 11%), но превысило аналогичное значение 2015 года. При этом совокупный объем венчурных инвестиций уменьшился и составил \$128 млн (85% от уровня 2015 года). Как говорится в отчете, тон задавали частные фонды: на их долю пришлось 73% от общего числа и 79% от совокупного объема осуществленных венчурных инвестиций. Аналитик группы компаний «Финам» Богдан Зварич говорит, что в последние годы рынок венчурных инвестиций стагнирует. Сложная экономическая ситуация привела к тому, что инвесторы не готовы были вкладывать средства в высокорисковые активы. «Плюс к этому высокие ставки в российской экономике давали возможность заработать хорошую прибыль на таких инструментах, как облигации, которые несут на себе существенно меньше рисков. Лишь в последнее время вновь оживился рынок стартапов, а инвесторы, на фоне снижения доходности по большому спектру финансовых инструментов, начали интересоваться рынком венчурных инвестиций. На наш взгляд, именно экономическая ситуация сдерживала развитие данного рынка. Однако в случае сохранения позитивных тенденций, наметившихся в нашей экономике

ВЕНЧУРНЫЕ НАДЕЖДЫ

НА РЫНКЕ ВЕНЧУРНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ НАМЕТИЛИСЬ ПОЗИТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ. ЭКСПЕРТЫ ПРОГНОЗИРУЮТ РОСТ ВЛОЖЕНИЙ, КОТОРЫЙ, ПО ОПТИМИСТИЧНЫМ ПРЕДПОЛОЖЕНИЯМ, МОЖЕТ БЫТЬ СУЩЕСТВЕННЫМ.

АГАТА МАРИНИНА

в последнее время, развитие рынка венчурных инвестиций продолжится, а объемом средств, вкладываемых в венчурные проекты, может вырасти в несколько раз, — считает господин Зварич.

«К сожалению, очарование начала нулевых прошло — инвесторы стали осторожными и прагматичными, больше интереса проявляют к зарубежным стартапам (даже если команда почти полностью состоит из выходцев из России). И, в общем-то, это логично, так как такие стартапы уже работают на больших рынках и им не нужно преодолевать барьеры по выходу на рынки Европы, Америки, Азии», — отмечает директор бизнес-инкубатора «Ин-грия» Полина Лукьянова.

Между тем, по ее словам, российский венчурный рынок движется вперед и переходит на новые ступени развития. Так, фонды и инвесторы становятся более специализированными. «Для этого им необходимо досконально знать рынок и технологии, поэтому все чаще мы слышим про новые корпоративные и отраслевые венчурные фонды или акселерационные программы. Это полезно для всех игроков, инвесторам становятся более понятными тренды, специфика отрасли и точки роста финансируемых ими проектов», — уверена она.

По словам Андрея Березина, председателя правления ИК «Евроинвест» и учредителя венчурного фонда Euro Venture, на рынке венчурных инвестиций начались системные изменения. «Хотя пока этот сегмент вложений в инновационные решения и продукты в России недостаточно развит по сравнению с мировой практикой», — отмечает он.

Полина Лукьянова одной из положительных характеристик нынешнего рынка называет хорошо развитую поддержку со стороны российских институтов развития — они готовы вкладываться с частными инвесторами в высокотехнологичные стартапы, особенно на ранних этапах развития. «Это хорошая практика, которая уже сейчас дает результаты», — говорит госпожа Лукьянова.

С ГОСУДАРСТВЕННЫМ УЧАСТИЕМ По данным Российской ассоциации венчурного инвестирования, основной интерес венчурных инвесторов традиционно сосредоточен в секторе информационно-коммуникационных технологий — около 75% от общего объема инвестиций и 71% от общего числа. Вне сектора ИКТ основной вклад в финансирование компаний внесли фонды с участием государственного капитала — 53% от объема инвестиций и 63% от их числа.

Андрей Березин уверен, что российский рынок венчурного инвестирования имеет хорошие перспективы именно в технологическом секторе при условии,

что государство будет помогать с выходом на внутренние и внешние рынки сбыта и примет ряд налоговых преференций, например, при вложении в стартапы на ранней стадии. Еще один важный фактор — это идеологическая поддержка инновационного предпринимательства, особенно при вузах.

«По-прежнему большую часть вложений именно в технологические стартапы осуществляют прогосударственные институты развития, такие как РВК, «Роснано» или «Сколково», частные же инвесторы туда идут очень неохотно. Риски высоки, и очень сложно выйти на рынки сбыта, которые зачастую представляют собой те же госкорпорации или компании с государственным участием. Наладить взаимодействие с последними молодым стартапам очень непросто. Частные венчурные фонды как раз могут помочь в этом процессе — сперва вложившись в начальные этапы создания и прототипирования разработок, а затем — помогая встроить эти продукты в технологические циклы корпораций», — считает Андрей Березин.

Как уточняет директор венчурного фонда Euro Venture Роман Романюк, уже сейчас у фонда на рассмотрении находится ряд небезынересных проектов, но для того чтобы сбор и экспертиза интересующих фонд стартапов были системными и более качественными, фонд предполагает активно сотрудничать с уже существующими институтами развития — как городскими, так и федеральными.

Госпожа Лукьянова обращает внимание на то, что деятельность венчурных фондов в целом оказывает довольно сильное воздействие на экономику, так как, с одной стороны, они действуют своеобразным флюгером, показывая, куда «дует ветер», какие технологии станут новыми трендами в ближайшем будущем. Кроме того, венчурное финансирование высокотехнологичных стартапов открывает новые ниши, а зачастую и создает новые рынки. Так, благодаря венчурному финансированию в IT, эта отрасль получила возможность колоссально развиваться и сейчас уже проникла во все сферы экономики и фактически сформировала совершенно новый мир.

«Сейчас все больше сделок связано с технологиями на стыке отраслей. Инвесторы с большим интересом следят за биотехнологиями, разработками в области искусственного интеллекта и нейротехнологиями, блокчейн-технологиями и рынком криптовалют. Возможно, не все, но что-то из этого обязательно «выстрелит», и, может, уже через несколько лет мы будем жить в совершенно новой реальности — в мире с абсолютно новой экономикой и новыми необычными игроками даже на традиционных рынках», — заключает Полина Лукьянова. ■